Чудо любви (сборник)

Автор:
Джудит Макнот

Чудо любви (сборник)

Джудит Макнот

Богиня!

Молодой аристократ Николас Дю Вилль наслаждался холостяцкой жизнью в веселом Лондоне эпохи Регентства и даже не помышлял о браке, но, случайно скомпрометировав красавицу Джулианну Скеффингтон, поступил, как и положено джентльмену и честному человеку. Любовь не входила в планы «жениха поневоле», но разве сердце способно прислушаться к голосу разума?..

Сестры Кори и Диана Фостер были слишком увлечены изданием своего процветающего глянцевого журнала, чтобы всерьез задумываться о любви и замужестве. Однако с судьбой не поспоришь, и талантливый фотограф Кори, готовя репортаж о самой роскошной великосветской свадьбе сезона, неожиданно встретила мужчину, который безумно любил ее когда-то…

Меняются времена и эпохи, меняются характеры и нравы, а любовь остается все такой же – страстной и непреодолимой, чувственной и нежной.

Так было, и так будет, пока есть на свете мужчины и женщины.

И кто знает это лучше, чем живой классик любовного романа, создательница многочисленных бестселлеров и любимый автор миллионов читательниц по всему миру Джудит Макнот?

Джудит Макнот

Чудо любви (сборник)

Чудо любви

Глава 1

Оглушительный рев оркестра и веселые выкрики танцующих остались позади.

Джулиана Скеффингтон сбежала по широкой лестнице ярко освещенного загородного дома, где не меньше шестисот дам и кавалеров, представителей высшего общества, веселились на костюмированном балу.

Английский парк, раскинувшийся перед домом, был наполнен волшебными огнями факелов, бросающих призрачные, дрожащие отсветы на деревья, и запружен веселой, причудливо разодетой толпой гостей, среди которых тут и там мелькали слуги в ливреях. Невдалеке, за парком, темнел лабиринт из колючей живой изгороди – место, где можно было удачно спрятаться. Именно туда как раз и направлялась Джулиана.

Прижав руками юбку-кринолин своего бального платья а-ля Мария-Антуанетта, она отважно нырнула в толпу и стала ловко лавировать между рыцарями в доспехах, придворными шутами, разбойниками, разнообразными королями и королевами, шекспировскими героями и самыми невероятными дикими и домашними тварями.

Увидев просвет в толпе, она ринулась было туда, но тут же посторонилась, чтобы не столкнуться с надвигавшимся на нее большим зеленым «деревом», с раскидистых «веток» которого свисали красные, обтянутые шелком «яблоки».

Величественно проплывая мимо, «дерево» отвесило Джулиане церемонный поклон и тут же одной из своих «веток» ухватило за талию даму, наряженную молочницей и державшую в руке бадью.

Джулиане удалось, не замедляя шага, добраться до центра парка, где между двумя римскими фонтанами расположилась группа музыкантов, собравших вокруг себя любителей потанцевать на свежем воздухе. Извинившись, она попыталась проскочить мимо высокого человека, изображавшего черного кота, который что-то нашептывал в розовое ушко маленькой серой «мышке». Он сразу прервал свое занятие, остановил долгий оценивающий взгляд на глубоком вырезе белого, с кружевными оборками платья Джулианы и, нагло улыбнувшись, посмотрел ей в глаза и подмигнул, после чего как ни в чем не бывало снова сосредоточил свое внимание на прелестной маленькой «мышке» с неимоверно длинными усами.

Ошеломленная столь откровенными и развязными манерами, с которыми ей пришлось столкнуться уже не первый раз за сегодняшний вечер, Джулиана украдкой быстро оглянулась назад и увидела, что ее мать тоже покинула бальный зал. Она вышла на открытую террасу, держа под руку незнакомого мужчину, и теперь обводила сад медленным внимательным взглядом. Она явно искала Джулиану! Проявив настоящий инстинкт ищейки, мать повернулась и направила свой взгляд прямо в ту сторону, где стояла девушка.

Этот так хорошо знакомый ей взгляд заставил Джулиану снова пуститься в бегство. Но далеко убежать не удалось: на пути к лабиринту из живой изгороди возникло еще одно препятствие. Это была довольно большая группа возбужденно галдящих мужчин – они стояли под густыми кронами деревьев и покатывались со смеху, глядя, как один из гостей в маске, видимо, изображающий шута, безуспешно пытается жонглировать яблоками. Стремясь как можно скорее скрыться от вездесущих материнских глаз, Джулиана решила свернуть с дорожки и обойти эту группу сбоку.

– Разрешите, господа, разрешите, – проговорила она, пытаясь протиснуться между стволами деревьев и стеной из мужских спин. – Мне нужно пройти!..

Но вместо того чтобы посторониться, как того требовала простая вежливость, двое мужчин повернули к ней головы, а потом шагнули навстречу, загородив дорогу.

– Ну-ка, ну-ка, кто это тут у нас? – сказал один из них очень юным и очень пьяным голосом, опершись рукой о дерево рядом с ее плечом.

В этот момент слуга протянул ему стакан с каким-то напитком, тот взял его и стал настойчиво предлагать Джулиане:

– Не желаете… подкрепиться, мэ-эм-м? Но Джулиана думала лишь о том, как бы поскорее скрыться от материнского взгляда, и ее не особенно беспокоили приставания молодого господина, едва стоявшего на ногах, – его спутники, конечно же, не допустят, чтобы он позволил себе грубость по отношению к женщине. Чтобы избавиться от него, она взяла злополучный стакан и, поднырнув под его рукой, живо проскочила мимо остальных мужчин. Она так и побежала дальше – со стаканом в руке.

– Оставь ее, Дикки, – послышался голос кого-то из его приятелей. Сегодня здесь полно красоток из оперетты и весь полусвет. Ты сможешь подцепить любую, которая тебе приглянется. А эта, похоже, сейчас совсем не расположена к забавам.

Джулиана вспомнила слышанные ею раньше разговоры о том, что некоторые представители светского общества не одобряют маскарады – в особенности для молодых девушек, получивших благородное воспитание, и после всего, что она сегодня увидела и услышала, она поняла почему. Надежно спрятавшись под костюмами и масками, люди из высшего общества вели себя как… как обыкновенная чернь!

Глава 2

Скрывшись наконец в лабиринте, Джулиана бросилась направо и, повернув еще раз за угол, прижалась спиной к колючим веткам кустарника. Свободной рукой она попыталась прикрыть белые кружевные оборки, украшающие подол юбки и глубокий вырез, но они четко виднелись в темноте ночи, как яркие сигнальные огни.

Ее сердце бешено колотилось, но совсем не от усталости, а от волнения; она стояла затаившись, прислушиваясь, отделенная от парка лишь высокой тонкой стеной живой изгороди и невидимая со стороны входа в лабиринт. Пустым взглядом Джулиана смотрела в стакан с вином, который все еще сжимала в руке, и чувствовала, как в ней поднимается волна досады и гнева оттого, что

она бессильна оградить мать от позора и насмешек и помешать ей разрушить ее, Джулианы, жизнь.

Пытаясь хоть как-то отвлечься от своих грустных мыслей, она поднесла стакан к губам и понюхала вино – ее всю сразу передернуло от резкого запаха.

Пахло точно так же, как та дрянь, что пил ее папаша. Это была не мадера, которую он потягивал с утра и до самого ужина, а некая золотистая жидкость, употребляемая им после ужина для медицинских целей, как он утверждал – чтобы успокоить нервы. Нервы самой Джулианы были напряжены до предела. В следующую секунду она услышала голос матери, доносившийся с противоположной стороны зеленого барьера, и ее сердце снова сильно забилось.

– Джулиана, где ты прячешься, детка? – звала мать. – Я тут с лордом Мейкписом, он просто мечтает с тобой познакомиться…

Перед мысленным взором Джулианы возникла печальная картина: растерянный и подавленный лорд Мейкпис – кто бы он ни был, – чуть ли не насильно увлекаемый под руку ее решительной мамашей по тропинкам и поворотам, закоулкам и тупикам хитроумного лабиринта и освещенного факелами парка. Не в силах вынести неловкость и смущение при очередном представлении очередному несчастному и, несомненно, отнюдь не добровольному претенденту на ее руку, попавшемуся на удочку ее матери, Джулиана так сильно прижалась к живой изгороди, что колючки безжалостно вцепились в светлые локоны замысловатой прически, над которой ее служанка билась не один час.

Но тут счастье улыбнулось девушке – месяц услужливо скользнул за плотную гряду облаков, и лабиринт погрузился в чернильную темноту. А в это время ее мамаша продолжала свой чудовищно бессовестный монолог, находясь в двух шагах от дочери по другую сторону изгороди.

– Джулиана – невероятная любительница приключений! – воскликнула леди Скеффингтон, но в голосе ее звучало скорее разочарование, нежели гордость. – Это так на нее похоже – из чистого любопытства отправиться в путешествие по этому лабиринту!

Джулиана мысленно перевела эти притворные слащавые измышления на язык суровой действительности: «Джулиана – несносная затворница, меня

раздражают ее вечные бдения над книжками и писаниной – взяла бы все и выбросила прочь! И это так на нее похоже – сбежать с бала и спрятаться от всех в кустарнике!»

– В этом сезоне она пользовалась огромным успехом в обществе! Я просто удивляюсь, как это вы ни разу не встретились с ней ни на одном модном приеме! Мне пришлось настоять, чтобы она не принимала больше десяти приглашений в неделю – нужно же и отдыхать!

«Джулиана не получила и десяти приглашений за весь прошлый год, не то что за неделю, но мне же нужно как-то выразить свое удивление и объяснить, почему вы ее до сих пор нигде не встречали. Немножко везения – и вы вполне поверите моей болтовне» – именно эта тирада соответствовала бы действительности, произнеси ее леди Скеффингтон вслух, а не про себя.

Но лорд Мейкпис, похоже, не был так доверчив.

– Действительно? – уклончиво пробормотал он голосом человека, в котором боролись вежливость, раздражение и недоверие. – Она, наверное, очень странная… гм… необычная девушка, если не любит… развлекаться.

– Я не говорила ничего подобного! – поспешно возразила леди Скеффингтон. Джулиана больше всего на свете любит балы и званые вечера.

«Да Джулиане легче выдернуть зуб, чем ехать на бал», – мысленно добавила она.

– Я убеждена, что вы просто идеально подходите друг другу.

«Я хочу поскорее сбыть ее с рук и выдать замуж, мой дорогой, а вы во всех отношениях подходящий жених: зрелый мужчина, имеете благородное происхождение и соответствующее состояние» – именно так следовало понимать признание леди Скеффингтон.

– Она совсем не из тех нахальных особ, которых сейчас можно встретить на каждом шагу.

«Она и пальцем не пошевелит, чтобы хоть как-то постараться понравиться».

– С другой стороны, у нее есть определенные достоинства, которых мужчина не может не заметить.

«Чтобы быть спокойной на этот счет, я заставила ее надеть это открытое платье, хотя, если говорить честно, оно больше подошло бы замужней женщине без предрассудков, чем восемнадцатилетней девушке».

– Конечно, она девушка скромная. «Но вы не смотрите, что у нее такое декольте – даже и не пытайтесь к ней прикоснуться, пока не попросите руки».

В конце концов стремление лорда Мейкписа отстоять свою свободу возобладало над представлениями об учтивости.

– Леди Скеффингтон, я, к сожалению, должен вернуться в зал. Мне кажется, я танцую следующий танец с мисс Топем.

Сознание того, что добыча ускользает от нее, да еще в руки самой популярной невесты сезона, заставило мать Джулианы сделать ответный удар: то, что она сказала в следующую секунду, было самой беззастенчивой ложью из всего, что она говорила прежде, пытаясь сосватать свою дочь. Тут же, без всякого стыда выдумав какие-то несуществующие отношения между Джулианой и самым завидным женихом в Англии, она заявила:

– Мы тоже возвращаемся на бал! Кажется, сам Николас Дю Вилль пригласил мою дочь на следующий вальс!

Леди Скеффингтон, должно быть, поспешила за убегающим лордом, потому что их голоса стали удаляться.

– Мистер Дю Вилль все время оказывает нашей дорогой Джулиане особые знаки внимания. И мне не без основания кажется, что и сюда он сегодня приехал единственно ради того, чтобы провести с нею несколько минут! Нет, действительно, сэр, это правда, хотя мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь, кроме вас, узнал об этом…

А в это время за следующим поворотом лабиринта хозяйка загородного дома, очаровательная молодая вдова барона Пенуоррена, обнимая за шею Николаса Дю Вилля и заглядывая ему в глаза, со смехом прошептала:

– Только, пожалуйста, Ники, не говорите мне, что леди Скеффингтон действительно уговорила вас танцевать со своей дочерью. Кого угодно, только не вас! Если ей удастся добиться вашего согласия, то вы не сможете войти ни в одну гостиную Англии, не спровоцировав при этом изумленного шепота или язвительных замечаний. Если бы вы не пропадали целое лето в Италии, вам было бы известно, что среди холостяков уже стало своеобразным развлечением дразнить эту мерзкую особу, делая вид, что они поддаются на ее уговоры. Я говорю совершенно серьезно, – предостерегающе продолжала Валери, поскольку он лишь слегка улыбнулся в ответ на ее тираду, – эта женщина готова на все, лишь бы заполучить богатого женишка для дочери и укрепить свое положение в обществе! Буквально на все!

– Спасибо за предупреждение, моя дорогая, – сухо ответил Ники. – Я был представлен супругу леди Скеффингтон лишь перед самым отъездом в Италию. Но я и в глаза не видел ни матери, ни дочери и тем более не давал никаких обещаний танцевать с ними.

Валери с облегчением вздохнула.

– Я и мысли не допускала, что вы могли так глупо себя повести. Джулиана действительно необыкновенно симпатичное создание, но она совершенно не в вашем вкусе. Это слишком юная, неискушенная девица, а кроме того, у нее странная привычка прятаться за занавесками или что-то в этом роде.

– Похоже, она очаровательна, – усмехнулся Ники.

– Ну, по крайней мере она совершенно не похожа на свою мамашу. – Валери замолчала и красноречиво передернула плечами, давая понять, насколько ужасна эта особа. – Леди Скеффингтон так страстно желает войти в высшее общество, что готова на любые унижения. Если бы она не была столь бесцеремонна и честолюбива, то казалась бы просто жалкой.

– Если не сказать бестолковой, – добавил Ники, теряя в конце концов терпение – беседа непомерно затянулась. – И какого черта вы пригласили их на маскарад?

– Мой дорогой, – со вздохом сказала Валери, нежно поглаживая пальчиками его подбородок с той фамильярностью, которую допускают лишь очень близкие отношения, – да потому, что в это лето маленькая Джулиана каким-то образом познакомилась с новой графиней Лангфорд и с ее невесткой – герцогиней Клеймор.

В начале сезона графиня и герцогиня высказали пожелание, чтобы малышка Джулиана была принята в свете, а сами тут же укатили в Девон вместе со своими мужьями.

Поскольку никто не хочет раздражать Уэстморлендов, а леди Скеффингтон, напротив, раздражает всех нас, то мы и ждали последней недели сезона, чтобы выполнить свой долг и хотя бы куда-нибудь их пригласить. К несчастью, среди нескольких десятков приглашений, которые леди Скеффингтон получила сегодня, она выбрала именно мое – вполне возможно, потому, что увидела среди приглашенных вас.

Внезапно она замолчала, пораженная восхитительной догадкой.

– Всем страшно интересно, каким образом Джулиане и ее несносной мамаше удалось познакомиться с графиней и герцогиней, но – бьюсь об заклад – вы знаете ответ! Я права? Ходят слухи, что вы, еще до замужества обеих дам, были с ними в довольно близких отношениях.

К удивлению Валери, выражение лица Николоса стало сдержанным и холодным, а в голосе послышалось отчуждение. – Уточните, что вы подразумеваете под «довольно близкими отношениями», Валери.

С запозданием осознав, что невольно вторглась в запретные пределы, Валери поспешно сделала шаг назад, на нейтральную территорию.

– Я только хотела сказать – все знают, что вы в дружбе с обеими дамами.

Николас принял ее предложение пойти на мировую легким кивком и позволил ей достойно отступить, но все же многозначительно добавил:

– Их мужья – тоже мои близкие друзья.

Это было явным преувеличением. Он был на дружеской ноге со Стивеном и Клейтоном Уэстморлендами, но никто из обоих мужчин не был в особом восторге от того, что их жены дружили с Николосом. Как со смехом признавались обе дамы, это наверняка будет продолжаться до тех пор, пока «ты, Ники, не женишься и жена не вскружит тебе голову точно так же, как мы Клейтону и Стивену».

– Поскольку вы пока не обручены с мисс Скеффингтон, – мягко поддразнила его Валери, нежными круговыми движениями пальцев поглаживая его подбородок и пытаясь вновь обратить на себя внимание, – то ничто не мешает нам сейчас покинуть сей гостеприимный лабиринт и подняться в вашу спальню. С того самого момента, как она встретила его в своем доме, Николас не сомневался, что такое предложение обязательно последует, и сейчас молча обдумывал его. У него не было никаких особых причин отказывать ей. Никаких – за исключением ничем не объяснимого отсутствия интереса к тому, что, как он знал из предыдущих свиданий, должно было за этим последовать: словно кем-то отмеренные полтора часа весьма вольных плотских утех с искусной и страстной партнершей. Этому предшествовал обычно бокал прекрасного шампанского, а заканчивалось все полстаканом еще более замечательного коньяка. После этого он должен был непременно дать понять, что ему страшно жаль, что она должна вернуться в свою спальню – «чтобы слуги не сплетничали». Все очень цивилизованно, тактично и очень предсказуемо.

С недавних пор такая предсказуемость жизни вообще и всех ее проявлений в частности, как и его собственные поступки начали сильно раздражать Николаса. Был ли он в постели с женщиной, или играл в карты с друзьями, он совершенно автоматически делал все, что положено – и не положено – в совершенно определенное, предусмотренное для этого время. Он общался с мужчинами и женщинами своего круга, такими же выдержанными и безупречно воспитанными, как и он сам. Николас начал ощущать себя презренной марионеткой, кривляющейся на сцене вместе со своими собратьями: все они танцевали под один и тот же придуманный кем-то мотивчик.

И даже если дело касалось запретной любовной связи, к примеру, такой, что сейчас предлагала ему Валери, все равно существовали негласные правила; единственно возможными вариациями были: дама замужем или не замужем и он в роли либо соблазняемого, либо соблазнителя. И поскольку Валери – свободная женщина, вдова и взяла на себя сегодня роль соблазнительницы, он совершенно точно знал, какова будет ее реакция, если он отвергнет предложение. Сначала

она надует губки, и премиленько, потом будет пытаться взять его лестью и наконец примется соблазнять. Он же – в роли соблазняемого – будет сначала разыгрывать нерешительность, затем начнет сопротивляться и всячески тянуть время до тех пор, пока она сама, поняв его нежелание, не оставит его в покое. Но он никогда не откажет ей напрямик. Поступить так было бы непростительной грубостью, неуклюжей и досадной ошибкой в том замысловатом светском танце, который все они исполняли безукоризненно, доведя до абсолютного совершенства.

Несмотря на все это, Николас медлил, прежде чем дать ответ, надеясь, что его тело благосклонно отзовется на предложение леди, хотя голова уже сказала «нет».

Не дождавшись этого, он покачал головой и сделал первое па в танце «нерешительность»:

– Мне, наверное, сначала стоит поспать, моя прелесть. У меня была трудная неделя, и я совершенно измотался за последние два дня.

– Но вы же не откажете мне, дорогой мой? – спросила она, очаровательно надув при этом губки. Николас попытался деликатно уйти от ответа.

– А как же ваш праздник?

– Мне больше бы хотелось побыть с вами. Мы уже несколько месяцев не виделись, а потом – праздник прекрасно пройдет и без меня. Мои слуги так вышколены, что все сделают сами.

– Но только не ваши гости, – со значением сказал Николас, все еще пытаясь ускользнуть, потому что она продолжала уговаривать.

– Они и не заметят, что нас нет.

– Но ведь комната, которую вы мне дали, – рядом со спальней вашей матушки.

– Она не услышит нас, даже если вы опять сломаете кровать, как в последний раз, когда мы были там вместе. Она глуха как пень.

Николас уже был готов перейти к следующей стадии и начать тянуть время, но тут Валери удивила его: она решительно приступила к соблазнению, не позволив ему самому продолжить свою роль в этой старой как мир пьесе. Встав на цыпочки, она страстно поцеловала Николаса, после чего ее руки стали нежно поглаживать его по груди, а губы призывно открылись, приглашая к ответным действиям.

Машинально подчинившись, он обнял ее за талию, но это был пустой жест, за которым стояла лишь учтивость, но никак не ответное желание. Когда же ее руки скользнули ниже, к поясу его брюк, Николас разомкнул объятия и отступил на шаг, внезапно взбунтовавшись против своего участия в этой давно тяготившей его сцене.

– Только не сегодня, – решительно сказал он. В ее глазах был укор – он непростительно нарушил правила. Николас взял ее за плечи и, развернув лицом к выходу, шутливо и ласково шлепнул чуть ниже спины. Стараясь придать голосу мягкость, сказал:

– Идите к своим гостям, детка.

И, уже сунув руку в карман, чтобы достать тонкую сигару, завершил разговор вежливым обещанием:

– Я скоро присоединюсь к вам.

Глава 3

Тем временем Джулиана, и не подозревая о том, что она не одна в этом извилистом лабиринте, стояла, прислушиваясь к тишине. Она хотела полностью убедиться, что ее мать не собирается возвращаться. Наконец, успокоившись, она прерывисто вздохнула и выбралась из своего убежища.

Поразмыслив, Джулиана решила, что лабиринт – самое подходящее место, где можно скрыться на ближайшие несколько часов. Она повернула налево и пошла по дорожке, которая привела ее к квадратной зеленой лужайке с каменной

скамьей в центре.

Она мрачно размышляла о том, в какое унизительное и совершенно нетерпимое положение попала. Как же ей теперь выбраться из этой ловушки?

Джулиана с тоской в душе вынуждена была признаться себе, что нет никакой возможности избавиться от упорного желания матери выдать ее замуж за кого-нибудь из «важных персон», особенно теперь, когда у маменьки появился для этого такой шанс. До сих пор единственным препятствием для леди Скеффингтон на пути к осуществлению заветной цели было лишь то обстоятельство, что никто из подходящих претендентов не успел объясниться Джулиане в любви за те несколько недель, что они находились в Лондоне.

Но, к несчастью для Джулианы, прямо перед их отъездом из Лондона ее матери посчастливилось вырвать предложение руки и сердца у сэра Фрэнсиса Беллхейвена, омерзительного пожилого и напыщенного рыцаря с нездоровой бледной кожей, светлыми ореховыми глазами навыкате, бесстыдно заглядывающими Джулиане за корсаж, и толстыми белыми губами, которые всякий раз напоминали ей дохлую золотую рыбку. Сама мысль о том, чтобы провести с сэром Фрэнсисом хотя бы один вечер, не говоря о целой жизни, казалась ей нестерпимой. Просто неприличной и ужасающей!

Нельзя сказать, чтобы ее вообще привлекала возможность какого-то выбора.

Если бы Джулиана действительно хотела кого-то выбрать, то самое неподходящее, что она могла сделать, – это спрятаться здесь от потенциальных претендентов, которых сейчас вербовала ее мамаша. Она знала это, но не могла заставить себя вернуться в танцевальный зал. Она не хотела выходить замуж. Ей уже исполнилось восемнадцать, и у нее были другие планы на жизнь, другие мечты, но они не совпадали с планами матери и поэтому не имели права на существование. Ни сейчас, ни потом. Но самым безнадежным было то, что ее мать свято верила: действует в интересах Джулианы и лучше знает, чего дочери не хватает для счастья.

Луна показалась из-за облака, и Джулиана увидела, что все еще сжимает в руке стакан с золотистой жидкостью. Отец всегда повторял, что немного бренди никогда не повредит – оно лечит все болезни, улучшает пищеварение и поднимает настроение. Она некоторое время колебалась, потом вдруг в порыве

возмущения и отчаяния решилась проверить последнее положение отцовской теории. Подняв стакан, Джулиана зажала свободной рукой нос и, запрокинув голову, сделала три больших глотка. Почти задохнувшись от неожиданности, она опустила стакан и стала ждать. Когда же наступит прилив блаженства? Бежали секунды… прошла минута. Ничего! Она лишь почувствовала легкую слабость в коленях и то, что готова расплакаться от осознания бесполезности своего протеста.

Из уважения к своим ослабевшим ногам Джулиана сделала шаг к каменной скамье и села. Кто-то явно уже успел посидеть на ней – на краю стоял полупустой бокал с вином, а несколько пустых валялись на земле. Она сделала еще один глоток бренди и, слегка качнув свой стакан, уставилась на поблескивающую в лунном свете жидкость и стала размышлять о сложившемся безвыходном положении.

Ах, если бы была жива ее бабушка! Бабуля наверняка сумела бы остановить безумную идею ее матери о блестящем замужестве. Она поняла бы отвращение Джулианы к насильственному браку неизвестно с кем. Из всех людей, которых знала Джулиана, мать ее отца – величественная, степенная женщина – была, казалось, единственным человеком, который понимал ее. Бабушка была ей и другом, и учителем, и наставником.

Именно от нее маленькая Джулиана узнала о том, как велик мир, как много на свете разных людей. Только бабушка научила ее думать и высказывать свои суждения, какими бы абсурдными или шокирующими они ни казались. В свою очередь, бабушка всегда относилась к внучке как к равной, делилась с ней своими философскими взглядами на все и вся – начиная с того, зачем Бог создал Землю, и заканчивая мифами о мужчинах и женщинах.

Бабушка Скеффингтон не считала, что замужество – это мечта каждой женщины или что мужчины благороднее и умнее женщин.

– Возьмем, к примеру, моего мужа, – со снисходительной улыбкой сказала она однажды зимним днем в канун Рождества. Джулиане было тогда пятнадцать лет.

– Ты не знала своего дедушку – Господь упокой его душу, – но если у него и были мозги, чтобы думать, то я никогда этого не замечала. Как и все его предки, он не

мог сложить в уме и двух цифр или грамотно составить фразу, а здравого смысла у него было меньше, чем у младенца.

– Неужели это правда? – удивилась Джулиана, несколько обескураженная такой оценкой умершего человека, который был мужем ее бабушки, а ей самой приходился дедушкой.

Бабушка выразительно кивнула.

– Все мужчины рода Скеффингтон были похожи друг на друга: ленивые олухи, лишенные всякого воображения, – все до единого.

– Но ведь ты наверняка не можешь сказать так о моем папе, – резко возразила Джулиана. – Он же твой единственный сын, оставшийся в живых!

– Я никогда не назову твоего отца олухом, – без тени сомнения ответила бабушка, – скорее я назову его болваном!

Джулиана едва сдержалась, чтобы не прыснуть от такой жуткой ереси, но, прежде чем она сумела подготовить соответствующую речь в защиту отца, бабушка продолжила:

– А вот женщины в роду Скеффингтонов часто проявляли смекалку и изобретательность. Присмотрись повнимательнее, и ты обнаружишь, что именно женщины обычно выживают за счет ума и решительности, а не мужчины. Мужчины ни в чем не превосходят женщин, кроме грубой силы.

Поскольку взгляд Джулианы выражал сомнение, бабушка самодовольно добавила:

– Если ты почитаешь книгу, которую я дала тебе на прошлой неделе, то увидишь, что женщины не всегда были в подчинении у мужчин. Ведь в древности мы пользовались и властью, и уважением. Мы почитались как богини, предсказательницы и целительницы. Мы держали в голове секреты вселенной, а в теле – великий дар жизни. Мы выбирали себе супруга, а не наоборот, как сейчас.

Мужчины искали нашего совета, поклонялись нам и завидовали нашему могуществу.

Мы превосходили их во всем. Мы знали об этом так же, как и они.

То, что сказала бабушка, ошеломило Джулиану, и она некоторое время молчала.

– Но если мы действительно были умнее и талантливее, – сказала Джулиана, когда бабушка приподняла брови в ожидании ответа, – то почему мы потеряли всю власть и уважение и позволили мужчинам подчинить нас себе?

– Они убедили нас, что нам необходима их грубая сила для защиты, – ответила та с возмущением и презрением. – И вот так они «защитили» нас – мы лишились всех наших преимуществ и прав. Они нас обманули.

Джулиана нашла в этом рассуждении явное отступление от логики и задумчиво нахмурила брови.

– Если все это так, – сказала она после продолжительного раздумья, – то они не такие уж и тупоголовые, как ты думаешь? Наоборот – они очень даже умные, разве нет?

Какую-то долю секунды бабушка мрачно смотрела на нее, а потом вся затряслась от радостного смеха.

– Хорошо подмечено, моя дорогая, это можно обсудить. Предлагаю тебе записать эту мысль, чтобы дальше обдумывать и развивать ее. Может быть, ты напишешь книгу о том, как мужчинам удается так дьявольски обманывать женщин на протяжении многих веков. И я надеюсь, ты не станешь тратить свой ум и талант на какого-нибудь невежественного парня, которому понравится твое личико и который убедит тебя, что твое единственное призвание – выкармливать и растить его детей и выполнять все его желания.

Ты сможешь сама распорядиться своей судьбой, Джулиана. Я знаю – ты сможешь.

Она замолчала, обдумывая какую-то мысль, и добавила:

– Наш разговор напомнил мне кое о чем – я давно хочу обсудить это с тобой.

И по-моему, сейчас как раз самое время.

Бабушка Скеффингтон встала и направилась в противоположный угол маленькой уютной комнатки, где располагался камин. Движения старой женщины были неторопливы, седые волосы закручены в тугой пучок на затылке. Держась одной рукой за ветку вечнозеленого растения, стоящего на каминной доске, она нагнулась поворошить угли.

– Как ты знаешь, я уже пережила мужа и одного из сыновей. Я прожила долгую жизнь и совершенно готова к тому, чтобы закончить свои дни на этой земле, когда придет мой срок. Я уйду от тебя, моя девочка, я не смогу быть с тобой вечно, но надеюсь как-то возместить свое отсутствие, оставив тебе… наследство, которым ты сможешь распоряжаться. Правда, оно не слишком большое.

Разговор о бабушкиной смерти никогда прежде не возникал, и теперь сама мысль о том, что она может ее потерять, наполнила ужасом сердце Джулианы.

– Да, оно невелико, – продолжала та, – но, если ты не будешь расточительной, оно позволит тебе скромно жить в Лондоне в течение нескольких лет, пока ты не накопишь достаточный жизненный опыт и не отточишь свое писательское мастерство.

Из глубины души Джулианы рвался страстный протест: жизнь без бабушки казалась ей невозможной, у нее не было ни малейшего желания жить в Лондоне, а их общая мечта о том, что она непременно должна стать известной писательницей, была совершенно немыслимой фантазией. Боясь, что такой всплеск чувств обидит старого человека, Джулиана молча сидела на скамеечке, которая всегда стояла перед бабушкиным любимым мягким креслом; в душе ее бушевали страсти, но на лице не дрогнул ни один мускул. Опустив глаза, она сделала вид, что увлечена книгой.

– Ты ничего не хочешь сказать мне на это, детка? А я-то думала – ты будешь прыгать от радости. Должно же быть хоть какое-нибудь проявление чувств с твоей стороны – в ответ на все мои многолетние старания сэкономить, чтобы оставить тебе это маленькое наследство.

Джулиана знала – бабушка специально пыталась поддеть ее, чтобы вызвать либо на шутку, либо на серьезный разговор. Она привыкла к этому и никогда не оставалась в долгу, но Джулиана совершенно не была способна ни шутить на тему бабушкиной смерти, ни говорить об этом с беспристрастным спокойствием. Более того, она была даже несколько уязвлена тем, что бабушка говорила о своем уходе без всяких признаков сожаления.

– Должна заметить – не похоже, чтобы ты чувствовала благодарность.

Джулиана резко вскинула голову, ее темно-синие глаза заблестели от слез.

– А я и не чувствую благодарности, бабушка, и вообще не хочу сейчас говорить об этом. Скоро Рождество, все веселятся, а ты…

– Смерть – неизменная спутница жизни, – категорически возразила бабушка. И бессмысленно бояться ее.

– Но моя жизнь – в тебе! – горячо воскликнула Джулиана, не в состоянии успокоиться. – И… и мне… не нравится, в конце концов, что ты… ты говоришь со мной о деньгах – будто они могут возместить мне твою смерть!

– Ты считаешь меня холодной и бесчувственной?

– Да, считаю!

Такой резкий спор случился у них впервые, и Джулиана приняла это близко к сердцу.

Бабушка посмотрела на внучку долгим безмятежным взглядом и спросила:

– Ты знаешь, чего мне будет не хватать, когда я покину эту землю?

– Наверное, ничего.

– Мне будет не хватать одного, и только одного.

Джулиана молчала, не требуя никаких объяснений, и бабушка промолвила:

– Мне будет не хватать тебя.

Джулиана в изумлении уставилась на бабушку.

– Мне будет не хватать твоего чувства юмора, твоих секретов и твоего удивительного умения взглянуть на любую проблему с другой стороны. И особенно я буду скучать без чтения твоих ежедневных записок и сочинений. Все лучшее в моей жизни связано с тобой.

Закончив свою речь, бабушка подошла к Джулиане и, коснувшись холодной рукой ее щеки, смахнула слезы, которые та тщетно пыталась сдержать.

– Мы родственные души – ты и я. Если бы ты родилась раньше, мы были бы близкими друзьями.

– Но мы действительно друзья, – горячо прошептала Джулиана и, поймав бабушкину руку, потерлась о нее щекой. – И мы всегда, вечно будем друзьями! Когда ты… уйдешь, я все равно буду обо всем тебе рассказывать, писать тебе… Буду писать письма, как будто ты просто куда-то далеко уехала!

– Какая забавная мысль, – весело поддразнила бабушка. – А отправлять их мне ты тоже будешь?

– Конечно, нет, но ты все равно будешь знать все, о чем я тебе напишу.

– Почему ты так в этом уверена? – озадаченно спросила бабушка.

– Потому что я слышала, как ты однажды прямо заявила нашему священнику, что совершенно нелогично думать, будто Всемогущий позволит нам просто так дремать до самого Страшного суда. И еще ты сказала, что Бог уже много раз предупреждал, что мы пожнем все, что посеяли, и поэтому скорее всего заставит нас посмотреть на все, что мы посеяли, с какой-то другой, высшей, точки зрения.

– Не думаю, что с твоей стороны благоразумно безоглядно верить моим богословским рассуждениям, верь лучше нашему доброму священнику. И я бы не хотела, чтобы ты тратила свой талант на письма ко мне, когда меня уже здесь не будет, – лучше напиши что-нибудь для живых.

– А я и не собираюсь напрасно тратить время, – ответила Джулиана с самоуверенной улыбкой – так она улыбалась во время их обычных споров, говоря явную чепуху, чтобы поднять настроение. – Если я буду писать тебе письма, то могу быть уверена, что ты найдешь способ прочесть их, где бы ты ни находилась.

– Потому что ты считаешь, что я наделена каким-то таинственным даром?

– Нет, – съязвила Джулиана, – потому что ты не сможешь устоять против соблазна исправить мои орфографические ошибки!

– Дерзкая девчонка! – воскликнула бабушка, приняв оскорбленный вид, но тут же широко и счастливо улыбнулась, и их пальцы сплелись в крепком и нежном рукопожатии. Через год, в канун Рождества, ее бабушка умерла, держа руку внучки в своей.

– Я буду писать тебе, бабушка, – рыдая, говорила Джулиана, когда глаза бабушки навеки закрылись. – Не забывай читать мои письма. Не забывай!..

Глава 4

В первые дни после бабушкиной смерти Джулиана написала ей десятки писем, но проходил месяц за месяцем, и в пустой монотонности своей жизни она находила все меньше и меньше событий и впечатлений, достойных пера. Маленький сонный городок Блинтонфилд ограничивал весь ее мир, и она заполняла время чтением, тайно мечтая уехать в Лондон, когда ей исполнится восемнадцать и она получит бабушкино наследство. Там можно встречаться с интересными людьми, ходить в музеи и усердно работать над своими будущими книгами. А когда Джулиана начнет продавать их, то сможет брать с собой в Лондон двух маленьких братьев, и они будут узнавать там обо всем новом, что

происходит в мире, и рассказывать об этих чудесах жителям их маленького провинциального городка.

После нескольких неудачных попыток поделиться своими мечтами с матерью Джулиана поняла, что ей лучше молчать, потому что мать тотчас пришла в ужас и негодование от ее планов.

– Это даже не стоит обсуждать, дорогая. Порядочные незамужние молодые девушки не живут одни, и особенно в Лондоне. Ты погубишь свою репутацию, совершенно погубишь!

Робкое упоминание о книгах и о писательстве вызвало у нее не больше энтузиазма. Литературные интересы леди Скеффингтон ограничивались исключительно страницами светской хроники в дневных газетах, где она неукоснительно следила за всем, что происходит в высшем свете.

Она считала увлечение Джулианы историей и философией и ее желание стать писательницей почти такой же глупостью и нелепостью, как и намерение жить одной в Лондоне.

– Мужчины не любят слишком умных женщин, моя дорогая, – повторяла мать. Ты просто помешалась на книгах. И если ты не поймешь, что должна держать при себе свои бредовые философские фантазии, то раз и навсегда потеряешь шанс найти себе достойного мужа.

Всего за несколько месяцев до этого маскарада возможность лондонского сезона для Джулианы вообще не обсуждалась в семье Скеффингтонов.

Хотя отец Джулианы носил титул баронета, его предки уже задолго до него промотали более чем скромное состояние и принадлежавшие им земли. Единственное, что он унаследовал от предков, – это свой чрезвычайно добродушный и спокойный нрав, позволявший ему невозмутимо сносить жизненные невзгоды, и нежную любовь к вину и крепким спиртным напиткам. У него не было никакого желания покидать свое любимое кресло, не говоря уже о маленьком захолустном городке, где он родился.

И он никак не мог противостоять ни решительности своей жены, ни ее честолюбию, когда дело касалось ее маленького семейства.

Не могла противостоять матери и Джулиана.

Через три недели после того, как получила свое наследство, она сидела у себя в комнате и сочиняла текст объявлений в лондонские газеты о найме жилья, как вдруг до нее донесся радостный и возбужденный голос матери. Леди Скеффинггон сзывала всю семью в гостиную на беспрецедентный семейный совет.

– Джулиана, – воскликнула она, – мы с твоим отцом хотим сообщить тебе что-то очень важное!

Она прервала свою речь и с сияющей улыбкой обратила взор на отца семейства, который продолжал спокойно читать газету.

– Так ведь, Джон?

– Да, моя голубка, – пробормотал он, не отрывая взгляда от газеты.

Строго посмотрев на двух малолетних братьев Джулианы, которые шумно спорили из-за последнего куска пирога на тарелке, она восторженно всплеснула руками и обратилась к дочери.

– Все устроилось наилучшим образом! – вскричала мать. – Только что я получила письмо от владельца маленького домика в Лондоне в очень приличном районе. Он согласился сдать нам его до конца сезона за совсем небольшую сумму, которую я смогла ему предложить! Все уже улажено, задаток внесен. Я наняла мисс Шеридан Бромли – она будет твоей горничной, а когда нужно – и компаньонкой, и заодно присмотрит за мальчиками. Она американка, но в конце концов с этим можно смириться, если нет возможности заплатить приличные деньги.

Она перевела дух и продолжила:

– Боже правый, твои платья обойдутся мне в копеечку, но жена священника уверяет, что модистка, которую я наняла, очень знающая, хотя, думаю, она никогда не сможет выдумать чего-нибудь эдакого – того, что носят молодые богатые дамы в высшем свете. Но зато, смею заметить, немногие из них могут

похвастаться такой красотой, как у тебя, так что шансы у вас примерно одинаковые. И очень скоро у тебя будут платья, какие только пожелаешь – на зависть всем вокруг! А еще драгоценности и меха, шикарные экипажи и множество слуг – только кликни…

Когда мать заговорила о недорогом жилье в Лондоне, Джулиану на мгновение охватила бурная радость, но новые платья и горничная… В их семейном бюджете никогда не было на это денег, да и сейчас ей не приходилось на это рассчитывать.

– Я не понимаю, мама. Что случилось?

Может быть, умер какой-то неизвестный дальний родственник и оставил им наследство?

– А случилось то, что я решила потратить маленькое наследство, которое оставила тебе бабушка, на совершенно грандиозное предприятие, и я все так прекрасно придумала, что оно даст немедленную и потрясающую отдачу, я в этом уверена!

Джулиана открыла было рот – ей хотелось кричать и протестовать, но в горле словно застрял комок, и она не смогла произнести ни звука, что было воспринято леди Скеффингтон как выражение восторга.

– Да, все так и есть! Ты на этот сезон отправишься в Лондон, и мы все устроим так, чтобы ты вращалась в высшем обществе и почаще встречалась с нужными нам людьми! И за то время, пока мы там будем, – я совершенно в этом уверена, – ты очаруешь какого-нибудь подходящего джентльмена, который составит тебе прекрасную партию. Может быть, это будет даже граф Лангфорд, у которого, говорят, огромное состояние. Или Николас Дю Вилль – он один из самых богатых людей Англии и Франции, да еще вот-вот унаследует шотландский титул родственников своей мамаши. Я знаю из нескольких абсолютно надежных источников, что граф Лангфорд и граф Гленмор – такой титул будет у Николаса Дю Вилля – считаются самыми завидными женихами во всей Европе!

– Представь себе, – продолжала леди Скеффингтон, – все светские дамы просто умрут от зависти, когда маленькая Джулиана заполучит себе мужа, уведя одного из этих молодых людей прямо у них из-под носа.

Джулиана словно воочию увидела, как все надежды разбились вдребезги и мелкими осколками рассыпались у ее ног.

– Я не хочу никакого мужа! – закричала она. – Я хочу путешествовать и учиться, хочу писать книги, мама! И я не собираюсь отступать! Когда-нибудь я напишу роман, бабушка сказала – у меня есть к этому талант. Не смейся, пожалуйста! Ты должна отдать мне мои деньги! Должна!

– Дорогая моя, глупая девочка! Я не смогла бы этого сделать, даже если бы и захотела, а я не хочу! Замужество – единственное будущее для женщины. Стоит тебе увидеть, как живет высший свет, и ты сразу забудешь все глупости, которые вбила тебе в голову твоя бабушка Скеффингтон. А теперь, – продолжала она с блаженной улыбкой, – когда мы будем жить в Лондоне, я уж придумаю, как свести тебя с достойным джентльменом – можешь на меня положиться! В конце концов, мы не какие-нибудь там лавочники, ты же знаешь, твой отец – баронет. Как только в свете поймут, что мы приехали на целый сезон, нас сразу же включат в списки участников всех блестящих приемов и праздников. Мужчины, увидев тебя, придут в восхищение, и очень скоро у твоей двери выстроится целая очередь поклонников, вот увидишь!

У Джулианы не было никакого – даже самого незначительного – повода, чтобы отказаться, как и ни малейшей возможности избежать поездки, и ей пришлось согласиться.

В Лондоне по настоянию матери они каждый день появлялись в тех же самых дорогих магазинах, где имели обыкновение делать покупки великосветские дамы, и каждый день после обеда они прогуливались в тех лондонских парках, где можно было встретить людей из высшего общества.

Но все шло совсем не так, как это представляла себе леди Скеффингтон.

Вопреки ее надеждам и ожиданиям аристократы не очень-то спешили принять ее в свой круг только из-за того, что ее супруг – баронет, не отвечали они и на стремление леди Скеффингтон вовлечь их в разговоры на Бонд-стрит или на ее попытки завести беседу и познакомиться в Гайд-парке. Вместо того чтобы пригласить их с дочерью к себе или согласиться нанести им утренний визит, элегантные матроны, с которыми она пыталась завязать знакомство, полностью ее игнорировали.

Мать Джулианы, казалось, не замечала, что с ней обходятся с таким ледяным пренебрежением, но сама Джулиана страдала вдвойне от каждого отказа, и все эти люди своим высокомерием и равнодушием жестоко задевали ее гордость и самолюбие и ранили в самое сердце. Она, конечно, понимала, что именно неуемная активность и бесцеремонность ее матери навлекли на них всеобщее презрение, но это лишь усиливало ее смущение и досаду. Она чувствовала себя такой несчастной, что едва могла смотреть людям в глаза – с той минуты, как они утром выходили из своего маленького домика, и до тех пор, пока не возвращались к вечеру домой.

И все-таки – вопреки всем печальным обстоятельствам – Джулиана не считала эту поездку в Лондон напрасной. Шеридан Бромли, компаньонка, которую мать наняла для нее на весь сезон, оказалась очень славной и веселой молодой американкой, и они с Джулианой целыми вечерами болтали, смеялись и секретничали. Впервые за все восемнадцать лет у Джулианы появилась близкая подруга ее возраста, обладающая чувством юмора, который Джулиана всегда так высоко ценила, и во многом имеющая схожие интересы.

Однако граф Лангфорд, которого леди Скеффингтон так жаждала видеть мужем своей дочери, нанес ей неожиданный удар – в конце сезона он женился. Спешно была сыграна свадьба, которая шокировала весь высший свет Лондона и совершенно вывела из равновесия леди Скеффингтон – красавец граф женился на мисс Бромли.

Когда мать Джулианы услышала эту новость, она слегла в постель, обложившись флакончиками с нюхательными солями, и пролежала так весь день. Но к вечеру, поразмыслив, она пришла к выводу, что имеет теперь огромные преимущества, будучи в тесном личном знакомстве с новоиспеченной графиней, компаньонкой ее дочери, неожиданно для всех вошедшей в одну из самых влиятельных семей в Англии.

Она воспряла духом и теперь с новой силой сконцентрировала все свои надежды на Николасе Дю Вилле.

Обычно Джулиана вспоминала о своей ужасной встрече с ним этой весной не иначе как с содроганием, но сейчас, сидя в темном лабиринте и уставясь неподвижным взглядом в стакан, она вдруг представила себе всю эту сцену не унизительной, как ей казалось прежде, а скорее забавной.

Теперь она не сомневалась, что эта противная на вкус жидкость действительно помогает смотреть на вещи под другим углом. И если всего три глотка могут сотворить такое, то очевидно, что еще немного волшебного напитка пойдет только на пользу. И в порядке научного эксперимента Джулиана поднесла стакан к губам и сделала еще три глотка. Кажется, уже через минуту ей стало совсем хорошо.

– Так-то лучше, – громко сказала она, обращаясь к луне, и тут же рассмеялась, вспоминая подробности своей непродолжительной, но очень забавной встречи с легендарным Николасом Дю Виллем. Ее мать выследила его в Гайд-парке, когда его парный двухколесный экипаж медленно проезжал совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки – с дорожкой, по которой они прогуливались. В своем страстном и отчаянном желании привлечь его внимание и добиться, наконец, встречи, она толкнула дочь, отчего та вылетела на дорогу прямо перед лошадью и экипажем. Чтобы не упасть, Джулиана ухватилась за поводья, заставив испуганную лошадь и ее разгневанного владельца остановиться.

Лошадь дернулась в сторону, а Джулиана, испугавшись, повисла на поводьях, пытаясь остановить ее. То ли намереваясь извиниться, то ли, наоборот, накричать на седока – почему он не может успокоить свою лошадь, – она подняла глаза и прямо перед собой увидела Николаса Дю Вилля. Несмотря на холодный взгляд его прищуренных, оценивающих глаз, Джулиана почувствовала, что ее ноги подкашиваются и отказываются повиноваться.

Темноволосый и широкоплечий, с пронзительными серо-голубыми глазами и тонко очерченными губами, он произвел на нее впечатление человека скучающего и язвительного, уже вкусившего все радости и прелести жизни на этой бренной земле. С лицом падшего ангела и ледяным искушенным взглядом, Николас Дю Вилль одновременно и привлекал, и отталкивал, как смертный грех. Джулиана внезапно почувствовала непреодолимое и совершенно безрассудное желание сделать что-то такое, что поразило бы его и вывело из равновесия.

– Если вы хотите покататься, мадемуазель, – сказал он голосом, в котором ощущалось с трудом сдерживаемое раздражение, – то я посоветовал бы вам более привычные способы, позволяющие получить коня.

Джулиане не пришлось сразу отвечать на это едкое замечание, так как ее мамаша, которую обуревало стремление завязать знакомство, преступив все

правила этикета и законы приличия, тут же вмешалась в разговор.

– О-о, какая приятная неожиданность и какая честь, милорд! – воскликнула леди Скеффингтон, не обращая внимания на его угрожающе прищуренные глаза и на жадно-любопытные взгляды пассажиров других экипажей, которые уже начали скапливаться позади коляски Дю Вилля, потому что дорога была полностью перегорожена. – Я давно хотела представить вас своей дочери…

– Должен ли я понимать, – прервал он ее, – что именно из-за этого ваша дочь бросилась под ноги моей лошади и чуть не перевернула мой экипаж?

Джулиана решила, что этот мужчина слишком неучтив и высокомерен.

– Нет, вовсе не из-за этого, – вспыхнула она, совершенно сраженная безупречной точностью его предположения и запоздало осознавая, что все еще держится за поводья. Она отшвырнула их, будто змею, отступила на шаг назад и решила прибегнуть к дерзости – у нее больше не было способа спасти свою гордость.

– Я просто тренировалась, – важно объявила Джулиана.

Ее слова были настолько неожиданными, что его рука, готовая дернуть поводья, застыла в воздухе.

– Вы тренировались? – повторил он, с любопытством и неожиданным интересом посмотрев ей в глаза. – И с какой же целью?

Она гордо подняла подбородок, вскинула брови и бесцеремонным тоном сделала заявление, которое, как ей показалось, вполне могло сойти за веселую шутку:

– Ну конечно, чтобы стать разбойником с большой дороги. Я обучаюсь выскакивать навстречу ничего не подозревающим путникам в парке и останавливать их лошадей.

Повернувшись к нему спиной, Джулиана решительно взяла мать под руку и невозмутимо продолжила прогулку. И уже через плечо на прощание бросила, умышленно исказив фамилию:

– Всего хорошего, мис… тер… Деверо!

Возмущенные восклицания леди Скеффингтон, потрясенной невероятными измышлениями дочери, заглушили ответ человека, сидящего в экипаже, но девушке показалось, что он разразился хохотом.

Мать до позднего вечера злилась на Джулиану и все никак не могла успокоиться.

– Как ты могла быть такой грубой и дерзкой! – кричала она, заламывая руки. – Николас Дю Вилль имеет такой вес в обществе, что, если он произнесет в твой адрес хотя бы одно нелестное слово, с тобой вообще никто не захочет иметь дела. Это погубит твою репутацию! Погубит – ты слышишь меня?

Джулиана уже несколько раз просила прощения, правда, не совсем искренне, но мать оставалась безутешной. Она в возбуждении металась по комнате с нюхательной солью в одной руке и с носовым платком – в другой.

– Если бы Николас Дю Вилль уделил тебе сегодня в парке всего несколько минут и люди это увидели, ты сразу стала бы пользоваться бешеным успехом! Завтра мы уже получили бы приглашения на все большие приемы в этом сезоне, а еще через день под твоей дверью уже дежурили бы завидные женихи. А вместо этого ты вела себя так дерзко с тем единственным человеком во всем Лондоне, который одним своим словом может положить конец всем моим надеждам и мечтам!

Она промокнула платком слезы, дрожащие на ресницах.

– Это все твоя бабушка! Это она учила тебя быть похожей на нее. Да, меня следовало бы высечь за то, что я разрешала тебе проводить так много времени с этой ужасной старой ведьмой, но никто не смел противиться ее воле, и меньше всего – твой отец.

Она остановилась и повернулась к Джулиане.

– Ну что ж, я знаю больше о реальном мире, чем знала твоя бабушка, и я хочу сказать кое-что, чего она, конечно, никогда тебе не говорила: простую правду,

которая стоит больше, чем все ее фантастические идеи. – И, стиснув кулаки, мать произнесла голосом, дрожащим от волнения и решимости: – Мужчина ни за что не станет общаться с женщиной, которая знает больше его! Если только в свете станет известно, что ты помешалась на книгах, ты погибла! Ни один мужчина с положением не захочет иметь с тобой дела! Ты погубишь свою жизнь!

Глава 5

Веселый женский смех вернул Джулиану к действительности: она на маскараде, и в зеленом лабиринте повсюду слышатся голоса взрослых, которые резвятся словно дети. Ох, наверное, сегодня ночью немало женских репутаций будет полностью погублено. Если верить тому, что она почерпнула из бесконечных наставлений своей матери, то, похоже, на свете существует великое множество способов испортить репутацию, но есть всего два – причем очень разных – вида гибели. Ошибки, допущенные самой женщиной (например, можно оказаться слишком умной, слишком образованной и ученой или же слишком бойкой и разговорчивой), могут свести к нулю ее шансы на блестящую партию. Но любая ошибка с ее стороны, затрагивающая честь джентльмена, приведет к полной ее гибели, так как вообще исключает для женщины возможность выйти замуж.

И как глупо было, весело решила Джулиана, бояться этих бесчисленных опасностей, приводящих к полной гибели.

К примеру, женщина может полностью погубить себя, если позволит мужчине находиться с ней наедине в комнате, или позволит ему дать ей понять, что он к ней неравнодушен, или даже если разрешит ему станцевать с ней третий танец.

Поразмыслив обо всем этом, Джулиана поняла, что давно бы уже избавилась от всех своих забот, если бы совершила хоть один из великого множества проступков, которые могут полностью разрушить шансы женщины на замужество. Если бы она уже погубила свою репутацию, пришло ей внезапно в голову, то теперь не нужно было бы бояться брака с этим омерзительным сэром Фрэнсисом Беллхейвеном!

Воспоминание о нем мигом лишило ее веселого настроения и заставило луну на темном небе расплыться и закачаться, потому что глаза Джулианы наполнились

слезами.

Она поискала носовой платок и, не обнаружив его на месте, шмыгнула носом. Потом отхлебнула еще немного из стакана, безуспешно пытаясь поднять свое стремительно падающее настроение.

Николас выкурил сигару, но не спешил покинуть то место, где его оставила Валери, размышляя, повернуть ли ему направо и вернуться в сад или отправиться налево и пойти вглубь лабиринта, чтобы в конце концов выйти на тропинку, которая, он знал это, вела к боковому входу в дом, чтобы пробраться незамеченным в свою спальню.

Он устал, а в спальне его ждала огромная и очень удобная кровать. Если бы мать не попросила его заехать в это поместье по пути из Лондона специально, чтобы передать привет матери Валери, он бы ни за что не поехал сюда. Отец написал ему, что здоровье матери неожиданно пошатнулось и внушает ему серьезные опасения, и Николасу не хотелось расстраивать или беспокоить мать даже самой незначительной мелочью. Он повернул на извилистую тропинку, ведущую из лабиринта в сад, готовый выполнить сегодня свой долг перед обществом, отложив сыновний долг на завтра.

Глава 6

Джулиана была совершенно уверена, что несомненная гибель ее репутации вынудит сэра Фрэнсиса отказаться от сделанного им предложения, хотя и не представляла себе, на какие средства она будет жить, если родители отрекутся от нее из-за позора. Снова шмыгнув носом, Джулиана наклонила голову, крепко зажмурилась и решила прибегнуть к молитве. Сначала она попросила бабушку помочь ей найти способ испортить свою репутацию. Затем, подумав, что следует воззвать к высшей власти, Джулиана обратила свои мольбы прямо к Богу. Но тут ей показалось, что Богу может не понравиться такая просьба, не говоря о том, чтобы удовлетворить ее, хотя он, конечно же, прекрасно осведомлен о ее ужасном положении. Она горестно вздохнула, еще крепче зажмурила глаза и стала объяснять Богу, почему хочет испортить свою репутацию. Джулиана как раз подошла к рассказу о том, что должна будет выйти замуж за сэра Фрэнсиса, и от отчаяния у нее снова перехватило дыхание, она стала громко всхлипывать и

судорожно глотать воздух, как вдруг услышала голос, обращенный к ней из темноты, – глубокий, красивый мужской голос, спокойный, властный и полный сочувствия:

– Могу ли я чем-нибудь помочь?

От неожиданности Джулиана вскочила на ноги, сердце сильно застучало – из чернильной тьмы перед ней вдруг материализовался неясный силуэт мужчины в плаще и полумаске и стал медленно приближаться.

Видение остановилось, не дойдя до места, освещенного бледным сиянием луны; лицо скрывала тень, и различить черты было невозможно. Призрак медленно поднял руку, и Джулиане показалось, что он держит что-то белое, и оно плывет и трепещет, хотя ночь была совершенно тихой и безветренной.

Все ее чувства были в смятении от нервного потрясения и нескольких глотков бренди, но Джулиана все же поняла, что ей протягивают какой-то легкий белый предмет. Она робко шагнула навстречу и взяла предмет. Это был носовой платок, вполне земной, осязаемый, хотя необыкновенно мягкий и тонкий.

– Спасибо, – прошептала Джулиана с благоговением, улыбаясь сквозь слезы видению и вытирая при этом глаза и нос.

Не зная, что ей делать с платком дальше, она протянула его обратно.

– Вы можете оставить его себе, – послышалось в ответ.

Джулиана порывисто отдернула руку и прижала платок к сердцу.

– Спасибо!

– Могу я еще что-нибудь для вас сделать или мне лучше уйти?

– Только не уходите! Пожалуйста! Да-да, мне необходимо еще кое-что, но сначала я хотела бы объяснить!..

Джулиана уже открыла рот, чтобы закончить свои объяснения с Богом (она не сомневалась, что перед ней именно Он) – почему она умоляет его погубить ее репутацию, – как вдруг два момента показались ей несколько странными.

Во-первых, этот посланник Небес, явившийся, несомненно, в ответ на ее молитвы, говорил с легким акцентом, а именно – с французским. Во-вторых, теперь, когда ее глаза немного привыкли к окружающей его темноте, она обратила внимание на одно обстоятельство, говорившее скорее о бесовском, нежели о божественном происхождении пришельца. А так как молитва ее была довольно необычной – ведь Джулиана молилась о том, чтобы быть опозоренной, – то ей показалось не только не лишним, но и совершенно необходимым убедиться, а действительно ли на ее призыв откликнулись именно те силы, к которым она обращалась.

Борясь с отупляющим действием бренди, Джулиана устремила на него пристальный взгляд.

– Вы, пожалуйста, не думайте, что я сомневаюсь в вашей… вашей подлинности или в правильности вашего… выбора одежды, – начала она, стараясь говорить как можно более учтиво, – но вы, как мне кажется, должны быть в белом, а не в черном.

Его глаза, которые Джулиана рассмотрела в прорезях полумаски, сузились в ответ на такое дерзкое заявление, и она приготовилась к тому, что сейчас ее поразят гром и молния, но тон его ответа был мягким и миролюбивым.

– Черный цвет для мужчин привычнее. Если бы я появился здесь в белом, то привлек бы к себе слишком много внимания. Люди пытались бы угадать, кто я. А если бы им это удалось, я утратил бы свою анонимность, а вместе с нею и свободу делать то, что ожидают от меня в такую ночь, как сегодня.

– Да, я вас понимаю… – вежливо ответила Джулиана, хотя вовсе не была в этом уверена. – Но вообще-то я ожидала чего-то более необычного.

По мнению же Николаса, необычного в их встрече было более чем достаточно.

Во-первых, когда он увидел ее, она плакала. Во-вторых, в течение нескольких минут разговора ее подвижное лицо успело сменить выражения удивления,

смущения, благоговения, страха, подозрения, а теперь и неуверенности… или опасения.

Ожидая, пока она соберется с силами и наконец объяснит ему, чего же ей нужно, Николас обратил внимание на то, что у нее совершенно необыкновенная внешность. Ее светлые волосы отливали серебром в лунном свете, а большие выразительные глаза оказались голубыми, как лаванда. Они сияли на изящно очерченном лице с гладкой молочно-белой кожей, летящими бровями и очаровательным, по-детски припухлым ртом. Это была тонкая красота, не сразу бросающаяся в глаза. Она привлекала скорее необыкновенной чистотой черт и искренностью огромных глаз, нежели яркостью красок или экзотической внешностью. Он не мог определить ее возраста, но девушка, несомненно, была очень молода, и еще было в ней что-то чарующее, чего Николас не смог бы выразить словами.

Она глубоко вздохнула, отчего мысли его тут же вернулись к предмету их разговора, и он выжидательно поднял бровь, готовый выслушать ее просьбу.

– Не будете ли вы так любезны, – сказала она как можно вежливее, – снять вашу маску, чтобы я могла увидеть ваше лицо?

– Это и есть то одолжение, о котором вы хотели попросить? – удивился он, а сам подумал:

«Уж не помешанная ли она?»

– Нет, но я не могу ни о чем просить вас, пока не увижу вашего лица. И, поскольку он никак не отреагировал на ее слова, Джулиана умоляюще добавила с дрожью в голосе:

– Это ужасно важно!

Николас засомневался, но потом из чистого любопытства решил уступить. Он снял маску и даже вышел из тени, чтобы она смогла получше рассмотреть его лицо, и стал ждать – что же будет дальше.

Реакция незамедлительно последовала.

Девушка в изумлении зажала рот рукой, а глаза ее стали круглыми, как блюдца. Николас шагнул к ней, думая, что она сейчас упадет в обморок, но неожиданно раздавшийся громкий хохот остановил его на полпути. За этим последовал неудержимый взрыв веселья. Она опустилась на каменную скамейку и закрыла лицо руками, все ее тело сотрясалось от приступов смеха. Дважды девушка бросала на него взгляд в щелочку между пальцами – как бы удостоверяясь в том, что не ошиблась, – и каждый раз, увидев его лицо, принималась хохотать еще громче.

С величайшим трудом ей удалось наконец взять себя в руки. Она посмотрела на него – ее глаза все еще искрились весельем – и, не веря увиденному, смотрела на единственное лицо во всей Англии, которое заставило учащенно биться ее сердце.

Теперь, когда Джулиана оправилась от потрясения, это лицо снова вызвало у нее те же чувства, что и нынешней весной. Правда, выражение его неуловимым образом изменилось. Сейчас на точеных губах этого человека блуждала едва заметная улыбка, а взгляд не был таким уж холодным и жестоким, хотя и оставался несколько отстраненным, как прежде, но уже был определенно заинтересованным.

Ей это польстило и сразу подняло настроение – Джулиана почувствовала себя увереннее и пришла к выводу, что несколько минут назад приняла правильное решение. Ведь она молилась о том, чтобы кто-нибудь погубил ее репутацию, и вот теперь, кажется, это свершится благодаря стараниям самого модного жениха в Европе – самого Николаса Дю Вилля! Это сразу меняло дело – придавало ему какое-то своеобразие и особый шик. Как награду за принесенную в жертву погубленную навеки репутацию она получит нечто совершенно удивительное – приятные воспоминания на всю жизнь!

– Я не сумасшедшая, хотя, наверное, очень похожа на нее, – проговорила Джулиана, – и у меня действительно есть к вам просьба.

Николас почувствовал, что вот теперь уж точно пора уходить, но его словно околдовал ее заразительный смех и обворожительное личико, на котором удивление сменялось восторгом. Кроме того, перспектива возвращения на бал нисколько не вдохновляла его.

– Так о какой любезности с моей стороны вы хотите просить?

– Это несколько трудно объяснить… – начала девушка.

Он увидел, как она потянулась за стаканом с каким-то напитком и сделала глоток, будто хотела почерпнуть из него мужества, а затем подняла на Николаса невинный взгляд своих огромных глаз.

– На самом деле – это очень трудно, – исправилась Джулиана, сморщив свой нежный носик.

– Как видите, – ответствовал Дю Вилль, подавляя улыбку и отвешивая ей галантный поклон, – я полностью к вашим услугам.

– Боюсь, как бы вы не изменили своих намерений после того, как услышите, что именно мне от вас требуется, – с сомнением пробормотала девушка.

– Так говорите, чем я могу быть полезен?

– Я бы хотела, чтобы вы обесчестили меня.

Глава 7

Николас мог бы побиться об заклад, что никогда прежде ему не приходилось слышать ничего более удивительного ни от одной женщины. Он, попросту говоря, онемел от такого заявления.

– Простите – что вы сказали? – выдавил Дю Вилль наконец.

Джулиана видела, что он пытается как-то скрыть свое изумление, и снова подавила мучительный приступ неприличного хихиканья. Она никак не могла объяснить себе причину своего столь необычного веселья – то ли не выдержали нервы, то ли подействовал этот дивный напиток, которым мужчины так любят поднимать себе настроение.

– Я сказала: не будете ли вы так любезны обесчестить меня.

Стараясь потянуть время, Николас, следя за ней краем глаза, вынул из кармана вторую из двух взятых с собой тонких сигар.

– А что… именно… – осторожно спросил он, наклонив голову и зажигая сигару, – вы, собственно говоря, хотите этим сказать?

– То, что я хочу быть опозоренной, – повторила Джулиана, глядя, как он прикрыл рукой маленький огонек, и попыталась получше рассмотреть его лицо. – То есть чтобы я стала нежелательной и неподходящей невестой для всех мужчин, – объяснила она. – Короче говоря, нужно сделать так, чтобы на моем замужестве можно было поставить крест. Чтобы обо мне все забыли.

Вместо ответа он поставил ногу на каменную скамью, на которой сидела Джулиана, рядом с ее бедром и стал внимательно смотреть на девушку в задумчивом молчании, зажав в ровных белых зубах тонкую сигару.

– Думаю… я… не смогла бы объяснить вам это более ясно, – с волнением сказала она.

– Да, мне тоже так кажется.

Джулиана придвинулась ближе к его ноге и запрокинула голову, всматриваясь в его непроницаемое лицо, между тем как он отвел глаза и уставился в темноту.

– Вы понимаете, что я имею в виду?

– Нетрудно понять.

В его голосе не было особого воодушевления, поэтому она выпалила первое, что ей пришло в голову:

– Я готова заплатить вам!

На этот раз Николасу удалось скрыть свое изумление – он только улыбнулся ее способности преподносить сюрпризы.

– Уже вторая, – пробормотал он, – и всего за одну ночь!

Понимая, что она ждет от него ответа, Дю Вилль посмотрел на обращенное к нему лицо и, сдержав непроизвольную ухмылку, сказал:

– Это очень заманчивое предложение.

– Я буду помогать вам всем, чем только смогу, – пообещала она, глядя на него серьезными, полными надежды глазами.

– Ваши доводы и аргументы становятся все более и более неотразимыми.

Заставив ее ждать своего решения, Николас, глядя в пространство, размышлял над непростой ситуацией, в которой оказался. Эта молодая особа, сидящая перед ним на скамье, очень занятна. Он все еще не мог определить ее возраста, хотя не сомневался, что уже задолго до того как попросить его об одолжении, она была далеко не невинной дебютанткой, охраняемой строгой мамашей. Начать с того, что девушка сидела одна в укромном месте в темноте, осталась наедине с мужчиной, которому никогда не была представлена, и, самое главное, не пыталась как-то избежать двусмысленного положения.

Кроме того, платье ее имело соблазнительный, предельно глубокий вырез, открывающий налитую грудь, и чересчур плотно обтягивало тонкую талию. Ни одна почтенная мамаша из высшего общества не позволила бы своей невинной дочери появиться на людях в столь откровенном наряде. Он скорее подошел бы очень смелой замужней женщине или куртизанке. Но на руке девушки не было обручального кольца – значит, верным оставалось второе предположение. Этот вывод подтверждался еще и тем, что в последнее время считалось особым шиком, особенно среди богатых молодых ловеласов, привозить на маскарады ради шутки своих веселых подружек. Некоторые из самых красивых и модных лондонских куртизанок присутствовали на этом маскараде, и Николас предположил, что ангелоподобное создание, сидящее рядом с ним, – это одна из них, просто она поссорилась с тем, кто ее сюда привез. И теперь, выплакав все свои обиды и печали, девушка искала себе другого покровителя. Вне всякого сомнения, черт возьми, она была «опозорена» уже давным-давно и неоднократно и отнюдь не собиралась платить ему, но эта последняя уловка была удивительно остроумна, и он оценил ее по достоинству. Она была не только очаровательна и мила, но и совершенно уникальна. К тому же очень

забавна. С ее непосредственностью и богатым воображением, с ее мягким, хорошо поставленным голосом ей, конечно же, не придется долго искать нового покровителя. И ей-богу, если сегодня в постели она окажется хоть наполовину такой же очаровательной, какой предстала перед ним во время их удивительной встречи, то он бы явно соблазнился быть претендентом на эту роль.

Терзаясь неизвестностью, Джулиана не отводила взгляда от его мужественного лица с волевым подбородком, пытаясь прочесть мысли Дю Вилля, пока он неподвижно стоял, смотря в темноту, – руки в карманах, плащ небрежно переброшен через плечо. От уголков глаз к вискам разбегались мелкие морщинки, отчего казалось, что он слегка улыбается, но это вполне могло быть оттого, что он сжимал в зубах тонкую сигару.

Не в силах больше выдерживать столь долгое ожидание, Джулиана спросила дрожащим голосом:

– Ну как, вы решились?

Он снова перевел на нее взгляд, и она вдруг почувствовала всю силу этой ленивой, но неотразимой улыбки, вдруг осветившей его лицо.

– Но я обойдусь вам недешево, – пошутил он.

– У меня не очень много денег, – предупредила Джулиана, на что Николас, не в силах сдержаться, тут же разразился громким хохотом, – она и вправду стала рыться в своем маленьком ридикюле.

Протянув к ней руку, он сказал:

– А не поискать ли нам более подходящее местечко для… э-э-э…

– Моего позора? – пришла она к нему на помощь, и он на миг почувствовал легкое сомнение, которое тут же исчезло, не успев воплотиться во что-либо более определенное. Девушка встала, распрямила плечи, подняла голову и, решительно сделав шаг, словно королева, изрекла:

– Ну что ж, так тому и быть.

Он повел ее в глубь лабиринта, положившись на свою память, – было время, когда они с Валери по несколько часов плутали здесь, потеряв секретную тропинку. Когда они неторопливо продвигались по лабиринту, ему пришло в голову, что неплохо бы им познакомиться, но, когда Николас заговорил об этом, она заявила, что уже знает, кто он.

– А вас как зовут? – продолжал допытываться Дю Вилль, видя, что девушка не проявляет особого желания добровольно назвать ему свое имя.

Но где-то в затуманенном сознании Джулианы, околдованной призрачной нереальностью сегодняшней лунной ночи и присутствием красивого, влекущего к себе мужчины, все-таки восторжествовало чувство осторожности. Пытаясь выдумать себе какое-нибудь имя, она вдруг посмотрела вниз, на свое платье.

– Мария, – сказала Джулиана после секундного раздумья. – Вы можете звать меня Мария.

– Как Марию-Антуанетту? – пошутил Николас, удивляясь, зачем она лжет ему.

В ответ Джулиана жизнерадостно подняла левую руку, весело воскликнув.

– Пусть будут и волки сыты, и овцы целы!

И буквально через долю секунды остановилась как вкопанная.

– А куда мы идем?

– Ко мне в спальню.

Она мысленно перечислила известные ей возможности погубить свою репутацию. Во-первых, три танца с одним и тем же человеком. Во-вторых, позволить мужчине проявить свои нежные чувства. И наконец, находиться в комнате наедине с мужчиной. Итак – комната. Спальня. Джулиана одобрительно кивнула.

– Прекрасно, я думаю, вы об этом знаете больше, чем я.

«Сомневаюсь», – холодно подумал Николас. Они шли молча, но тишина была какая-то дружелюбная, умиротворенная, и Дю Виллю это очень понравилось. Она, видно, не чувствовала потребности в постоянной болтовне. И когда девушка наконец прервала молчание, он подумал, что она выбрала для этого правильный момент, хотя затронутая ею тема совершенно ошеломила его: в его богатом опыте общения с женщинами Николасу еще не приходилось обсуждать этот предмет. Девушка какое-то время шла, разглядывая землю у себя под ногами, потом подняла голову и глубокомысленно заявила:

– Я часто удивляюсь, глядя на червей. А вы?

– Признаться, сейчас уже не так часто, как раньше, – весело пошутил Дю Вилль, подавляя приступ смеха.

Обычно ему и за неделю не приходилось столько смеяться, как сегодня.

– Тогда послушайте, что я вам скажу, и попытайтесь ответить на мой вопрос, – предложила она серьезным тоном озадаченного ученого. – Если Бог создал их для того, чтобы они ползали по земле – что они и делают, – то почему у них нет коленей?

Николас остановился от неожиданности, с трудом сдерживая улыбку. Он повернулся к ней.

– Что вы сказали?

Она подняла свое ангельское личико с сияющими глазами, грудь ее заманчиво вздымалась, а алые губки послушно повторили:

– Я спросила: почему у червей нет коленей?

– Да, я так и понял.

Схватив девушку за плечи, он порывисто притянул ее к себе, охваченный внезапным желанием прижаться к этим нежным губам. Николас отпустил ее так же быстро, как и обнял, особенно не интересуясь, что выражает ее лицо – потрясение или просто укор. Решив, что обсуждать это не обязательно и

нежелательно с той, которая согласна лечь с ним в постель в обмен на деньги, он шагнул в сторону и отвернулся.

И все же не удержался и несколько раз украдкой посмотрел на нее в темноте, чтобы оценить реакцию девушки. Увидев легкую растерянную улыбку, он успокоился.

Николас не был до конца уверен, что правильно нашел все нужные повороты тропинки, пока они не завернули за последний угол и он не увидел секретный выход, ведущий к боковому черному ходу в дом. Зная, что дальше им придется пройти несколько шагов на виду у гуляющей публики, хотя и на довольно безопасном расстоянии, Дю Вилль благоразумно встал слева от девушки – между нею и домом.

– Почему мы пошли быстрее? – спросила она.

– Потому что нас сейчас могут увидеть со стороны сада, – предупредил он.

Она оглянулась.

– Пусть у них тоже будут и волки сыты, и овцы целы, – провозгласила девушка, плавно поведя рукой вокруг. И весело воскликнула:

– Да будет так!

Николас почувствовал, что его плечи опять затряслись от неудержимого смеха, но ничего не сказал, чтобы не расхохотаться во весь голос.

Глава 8

В его спальне Джулиана села на маленький диванчик, обитый золотой парчой.

Будто во сне она наблюдала, как он медленно снял пиджак и развязал свой ослепительно-белый галстук. Тысячами колоколов бешено звенел в ее голове

сигнал тревоги, вызывая слабость и головокружение. А может, это было воспоминание о его губах, внезапно прижавшихся к ее рту, отчего голова пошла кругом?

Она опустила глаза – сейчас это показалось ей самым подходящим к случаю, но вдруг внимание ее привлекло что-то внизу.

Освободившись от пиджака и галстука, Николас расстегнул ворот рубашки и направился к полированному столику, где был оставлен поднос со стаканами и графинами. Вынув пробку из графина с коньяком, он обернулся через плечо и хотел было спросить ее, не хочет ли она что-нибудь выпить, но то, что он увидел, заставило его недовольно нахмуриться и подойти к ней ближе. Девушка сидела на диване, но согнулась почти пополам и наклонилась к полу, что-то там рассматривая.

– Что вы делаете? – изумленно спросил Дю Вилль. Она ответила, не поднимая головы:

– У меня, кажется, что-то случилось с ногами, они куда-то делись.

– Что вы хотите этим сказать? – с раздражением спросил Николас. Ему пришло в голову, что почти все, что она делала и говорила в лабиринте, – скандальное и потешное одновременно, включая просьбу опозорить ее, – было скорее всего результатом опьянения или игры больной психики.

– А ну-ка встаньте! – резко сказал он, придав своему голосу нарочитую грубость.

Джулиана оцепенела от его тона и медленно выпрямилась. Ошеломленная такой переменой, она встала, как он приказал, не в состоянии поверить, что этот недружелюбный, прямо-таки грозный человек – тот самый, который только что шутил с ней и… и даже поцеловал.

Николас понял, что она совершенно поражена и сбита с толку. И с яростью, подогреваемой разочарованием и отвращением к своей собственной наивности, он язвительно произнес:

– Вы можете сказать хоть что-нибудь такое, чтобы я убедился, что вы в данный момент находитесь в здравом уме и твердой памяти?

Джулиана вздрогнула, потрясенная его тоном. В его голосе послышались те же резкие, повелительные нотки, то же презрительное высокомерие, которые так унизили и возмутили ее в Гайд-парке. Ее реакция была несколько замедлена действием бренди и тем, что она испытывала почти шок, но, когда Джулиана собралась с духом, ответ ее прозвучал столь же непосредственно и эффектно, как и его вопрос, разве что более сдержанно. Она хотела, чтобы эта ночь осталась в его памяти и в его сердце.

– Думаю, что смогу, – мягко сказала Джулиана, высоко подняв голову, и только голос ее слегка дрогнул. – Начнем с греческой философии?

Заложив руки за спину, она отвела взгляд в сторону, будто рассматривая роспись над камином, и начала свою речь:

– Сократ создал интересное учение о познании и этике. Платону удалось его развить…

Джулиана замолчала, отчаянно пытаясь привести в порядок собственные мысли и вспомнить, что еще она знает о философах – древних или более современных.

– Из более современных философов… – продолжала она, – моим любимцем является Вольтер. Я наслаждаюсь его чувством юмора. Из самых же современных…

Ее голос прервался: Джулиана услышала, что он подходит к ней сзади, но, сделав над собой усилие, продолжила:

– Из современных философов я могу назвать одну женщину, с которой была знакома лично. Ее звали Сара.

Николас остановился позади нее почти вплотную, и она прямо-таки ощутила его близость. Поколебавшись мгновение, Джулиана спросила:

– Познакомить вас с самой любимой теорией Сары?

– Непременно, – сокрушенно прошептал он, и она почувствовала, как его дыхание обжигает ей волосы.

– По теории Сары женщины когда-то считались важнее мужчин, но мужчины, завистливые и хитрые, нашли способ…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhudit-maknot/chudo-lyubvi-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити